

УДК 130.2

Кирилл Валерьевич Севастов

магистр искусствоведения,

аспирант 3-го года обучения каф. философии и методологии университетского образования
Республиканского института высшей школы**Kirill Sevastov**

Master of Art Criticism,

Postgraduate the 3rd Year at the Department of Philosophy and Methodology of University Education
at the National Institute for Higher Educatione-mail: kirillsevastov@gmail.com**ФЕНОМЕН ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА:
КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПОИСК ПУТЕЙ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Обосновывается, что кризис культуры постмодерна объективируется в системе локальных кризисов, в т. ч. и в кризисе образования, вызванном деформациями, которые характерны для культуры постмодерна в целом. Рассматриваются наиболее существенные аспекты этих деформаций: установка на антитрадиционность, искажившая отношение к культурной преемственности; интенция на westernization культуры, которая поставила под угрозу этно-национальную самоидентификацию личности; тотальная информатизация, отодвинувшая на второй план непосредственные субъект-субъектные коммуникации, столь важные в проекции «учитель – ученик». Рассмотрен феномен современного образования, отражающий в своем состоянии противоречивость и парадоксальность. Проанализированы такие их проявления, как ревизия презумпций авторитетности, преемственности и системности, обеспечивавших в классической модели образования его ступенчатость и целостность. Показано, что основоположения культуры постмодерна приводят к противоречиям внутри культурного целого, в результате чего возникают парадоксальные ситуации, требующие для своего разрешения выхода за пределы постмодернистской концептуальной парадигмы.

Ключевые слова: образование, постмодерн, кризис культуры, принцип ацентризма, бесполярность, разноректорность, антитрадиционность, глобализационность, информатизационность.

**The Phenomenon of Education in the Context of Postmodern Culture:
Crisis Trends and the Search of Ways to Overcome Them**

The article substantiates the fact that the crisis of postmodern culture is objectified in the system of local crises, including the crisis of education, caused, in turn, by those deformations that are characteristic of postmodern culture as a whole. The most significant aspects of these deformations are considered, namely: the attitude towards anti-traditionalism that took shape in postmodern culture, which distorted the attitude towards cultural continuity; emerging in the context of globalization, the intention to westernize culture, which has threatened the ethno-national self-identification of the individual; total informatization, which relegated to the background direct subject-subject communications, which are so important in the «teacher-student» projection. In the light of this, the phenomenon of modern education is considered as reflecting these inconsistencies and paradoxes in its current state. Their manifestations are analyzed, such as the revision of the presumptions of authority, continuity and consistency, which ensured its gradation and integrity in the classical model of education. Thus, the article shows that the foundations of postmodern culture lead to contradictions within the cultural whole, resulting in paradoxical situations that require going beyond the limits of the postmodern conceptual paradigm for their resolution.

Key words: education, postmodern, crisis of culture, the principle of acentrism, non-polarity, multivectoriness, anti-traditionalism, globalization, informatization.

Научный руководитель – Марина Александровна Можейко, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств

Введение

Ценности и установки постмодернистской культуры на сегодняшний день оказались доминирующими в социокультурном пространстве, распространяя свое влияние во все более широком диапазоне и оказывая воздействия на все более широкий спектр социокультурных феноменов. В чис-

ле таковых оказалось и образование как значимый социальный институт, выступающий важнейшим инструментом передачи культурного опыта от поколения к поколению. В условиях постмодернистской критики культурной преемственности и программного отказа постнеклассических теоретиков от традиции подрываются фундаментальные основания выполнения образованием своих социальных функций.

Целью статьи является обоснование негативных последствий влияния общих установок культуры постмодерна на современное образование и критический анализ попыток современной философии предложить пути выхода из кризисного состояния.

Для достижения поставленной цели в статье используется **методология** феноменологического анализа, позволяющая дифференцированно рассмотреть общий кризис культуры постмодерна с одной стороны и те локальные кризисы отдельных культурных феноменов, в которых он объективируется, с другой. Взаиморезонирование общекультурного и локальных кризисов рассмотрено на примере такого феномена, как образование.

Основная часть

Эпоха модерна со свойственной ей безоговорочной приверженностью к концепции абсолютных, не оправдав социальные ожидания относительно стремлений человеческого разума к наивысшей точке для достижения всеобщего блага, была вынуждена прибегнуть к экспектации иного рода – самопересмотру, приведшему к новому этапу состояния культуры – постмодерну, который изначально привлек к себе внимание именно как стадия самого модерна – культурный модерн [1]. Тем не менее сомнения в зарождении именно нового состояния культуры развеялись, когда им заинтересовались такие приверженцы марксизма в прошлом и адепты высокого модерна в последующем, как Ж.-Ф. Лиотар и Ю. Хабермас [2, с. 60–61].

Так, Ж.-Ф. Лиотар первоначально считал постмодерн не чем иным, как «внутренним развертыванием самого модерна» [2, с. 61]. Затем, описав разворачивающийся и абсолютно не свойственный модерну кризис метанарративов, он выделил постмодерн как новое состояние культуры, мягко

обозначая его как «недоверие в отношении метарассказов» [3, с. 10], а впоследствии и вовсе нарек постмодерн «парадоксом предшествующего будущего» [4, с. 32], поясняя, что «художник и писатель работают без каких бы то ни было правил, работают для того, чтобы установить правила того, что будет создано: еще только будет – но уже созданным» [4, с. 31–32]. Важно отметить, что рассмотрение Ж.-Ф. Лиотаром концептуализации постмодерна именно в альтернативу модерну всесторонне обосновано: сепаративно постмодерн по причине отсутствия какой-либо самостоятельной производительности несостоятелен.

Одновременно с тем Ю. Хабермас отрицает трактовку постмодерна как оппозиционного модерну «проекта европейской философии» и проводит новое понятие через призму авангардизма [1; 5]. Однако впоследствии Ю. Хабермас признал наличие перехода от модерна к постмодерну [6], но с трудом мог его объяснить, утверждая, что «постмодерн включен в повестку дня, но без интеллектуальной интеграции» [2, с. 61].

В процессе становления постмодерн охарактеризовал себя, с одной стороны, как культурный сдвиг в культурной жизни общества, а с другой – как реакция на кризис идей эпохи уходящей. И, что принципиально важно, переход от модерна к постмодерну не тенденциозен или (тем более) революционен – он ожидаем и логичен. Тем не менее призванный исправить фактическую недоступность моральной идеалистичности, с которой столкнулась эпоха модерна, постмодерн претерпел неудачу, ввергнув состояние культуры в целом в стадию затяжного кризиса. А именно: постмодерн, критикуя концепцию абсолютной истины, тем самым пытаясь ее устранить, ничего не предлагает взамен, за исключением, конечно, использования постоянных интерпретаций, готовых форм и аллюзий, а также общей ироничности и утверждения, что все в этом мире вторично.

Следует выделить три основных феномена, свойственных эпохе постмодерна, которые сыграли важную роль не только в современном состоянии вестернизированной культуры, но и общества в целом.

Феномен 1. Антитрадиционность.

Постмодернистская диверсификация культурной и социальной ценностей приве-

ла к образованию нового типа культуры, который практически отказался от значимости традиции как таковой, пытаясь создать новый фундамент, основанный на антитрадиционализме.

Так, постмодерн подвергает традицию в целом глобальной критике и, не выявив области для собственных трактовок и произвольных репрезентаций, утверждает категоричный отказ от традиционности во всех проявлениях. Тут и возникает двойной парадокс: с одной стороны, постмодерн не признает категоричность и тотальность в любом проявлении, но в случае отказа от традиционности именно это и произошло; с другой стороны, утверждения постмодерна о всеобъемлющей вторичности окружающего мира не коснулись традиции, которая уже сама по себе вторична. В данном случае также важно подчеркнуть и внутреннюю противоречивость, свойственную постмодернистской установке: с одной стороны, постмодернизмом утверждается всеобъемлющая вторичность, но с другой – отвергается традиция, которая по своей сути именно вторична.

Это и привело к одному из базовых внутренних конфликтов постмодерна: экзистенциальная особенность традиции заключается именно в самоинтерпретации, что никак не предусматривалось всякого рода сторонней постмодернистской интерпретативностью.

Феномен 2. Глобализационность.

Постмодерн стал своего рода одной из предпосылок к развитию такого процесса, как глобализация, которая затронула все сферы социального и, что парадоксально, не являлась при этом процессом социальным. Глобализация по своей сути гиперсоциальна и одновременно с тем псевдосоциальна, т. к. глобализационные трансформации привели к форсированию социального фактора и дезорганизации его собственной меры, тем самым умаляя индивидуальное как составную социального. Иными словами, социальное становится мнимым, а общество – нечеловекомерным.

Важно отметить, что глобализация в целом основана именно на социальном наследии, что не противоречит постмодернистскому принципу эксплуатации существующей модели. Тем не менее парадоксальность заключается в том, что и од-

нозначного прочтения процесса глобализационности постмодерн предложить также не в состоянии, потому как для него феноменологически свойственно именно не классическое, а, соответственно, и множественное, трактование классической формы.

Феномен 3. Информатизационность.

Информатизация – процесс, параллельный глобализации, причем они взаимно усиливают друг друга. Если изначально это было связано со стремительным развитием информационных технологий, то в настоящее время она вполне может существовать самостоятельно, переняв и включив в свой инструментарий такие глобализационные процессы, как замещение интеграции массовостью, тиражирование тех или иных достижений, стандартизация социальных и культурных образований и др.

Важно отметить, что изначально обмен информацией был одним из ключевых интеграционных принципов глобализации. Тем не менее с развитием информационных технологий, а, соответственно, и расширением информационного поля, информатизация приобрела самостоятельность, потому как приоритет информационного обмена в контексте глобализации теряет свою авторитетность в мире, которому в настоящее время свойственна именно массовая информатизированность.

Так, глобальная информатизация существенно трансформирует все сферы социального, создавая новую форму – информатизированное общество, которое в своей информационной эволюции достигло того уровня, когда ценность владения информацией как таковой перестала быть тем, что имело бы определенную социальную значимость в эпоху информационного переизбытка. Все информационные процессы так или иначе связаны с обществом технологически, и поэтому элитарность владения информацией упраздняется, что приводит к следующему парадоксу культуры постмодерна. А именно: стремительная динамика общественного технологического развития привела к тому, что информационный прогресс регрессивно повлиял не только на ценность информации как таковой, но и постепенно стер границы между истинной и ошибочной информацией в целом, что в культуре постмодерна и привело к такому

постмодерністскому утверждению, что *истина – переменная величина* [7, с. 19].

Таким образом, независимо от того, в какой именно плоскости рассматривать постмодерн, можно утверждать, что *культура постмодерна* оказывается противоречивой и парадоксальной.

В свою очередь, парадоксальность, не имея пути для самопреодоления, неизбежно приводит к кризису. Именно в состоянии кризиса в той или иной интенсивности находятся не только отдельные социальные и культурные процессы, но и культура постмодерна в целом. Важно отметить, что преодоление кризиса в широком смысле возможно лишь при условии комплексности разрешений локальных кризисных состояний. Так, одним из ярчайших примеров среди локальных кризисных состояний культуры постмодерна (другими словами, культуры вестернизированного типа) является образование (соответственно, образование западноевропейской модели).

В данном контексте, с одной стороны, образование – это социальный инструмент, цель которого есть социальная адаптация; с другой стороны, совокупность собирательности, экспонирования и трансмиссии культурного опыта. Тем не менее постмодернистская реальность задает совершенно иное восприятие как социального, так культурного в целом, в своих попытках формируя и выстраивая картину мира на базе таких презумпций, как хаотичность вместо статичности (принцип разновекторности), и заменяя реальность иллюзорностью (принцип бесполярности).

Для более точного описания кризисного состояния существующего образования следует прибегнуть к рассмотрению его через призму предложенного феноменологического дискурса.

Образование и традиция

Ориентация постмодерна на принцип ацентризма, предполагающий бесполярность и разновекторность культурного пространства, приводит к невозможности построения стабильной модели образования, которая была бы направлена на передачу исторического опыта, инновационное развитие культуры с опорой на традицию. Поэтому дезорганизация образования в постмодернистской версии его трактовки вызва-

на пересмотром таких основоположений образования, как:

1) *авторитетность*, паттерность которой с точки зрения постмодерна не создает пространства для свободного интерпретирования;

2) *системность*, поляризованность понятий которой постмодерн заменяет на принцип ацентризма (бесполярность и разновекторность);

3) *преемственность*, структурированность и системная ступенчатость которой постмодерн отвергает во имя пересмотра существующих концепций при помощи ассоциативности и постоянных интерпретаций.

В оппозицию традиционной образовательной парадигме с ее системностью и рациональностью постмодерн утверждает дефиниции онтологической плюральности, антирациональности, симметричности образовательной общности и правового паритета. Тем не менее традиционная парадигма образования в плоскости постмодернистского пересмотра не подвергается тотальной трансформации, потому как традиция в целом постмодерном изначально была прочитана неверно, что и определило ее в безапелляционный отказ – антитрадиционность.

Таким образом, постмодернистский кризис образования – это следствие несостоятельного анализа постмодерном фундаментальности традиции как основы для сопутствующих ступеней ассоциированности и интерпретативности и попытка отказа от нее, что ставит под сомнение преемственность в развитии культуры и потому не позволяет корректно трактовать сам феномен образования.

Образование и глобализация

Ж.-Ф. Лиотар акцентирует внимание на утилитарной функции образования, которую он считает единственно значимой и которая доминирует над такими функциями, как воспитательная, гуманистическая и культурная. По мнению Ж.-Ф. Лиотара, всеобщая доступность к образованию не ставит целью формирование элит [3, с. 119]. Другими словами, из плоскости элитарности образование переходит в плоскость массовости, а точнее, в плоскость сферы услуг. Так, постепенная трансформация культуры привела к росту значимости образованности общества одновременно со стремитель-

ным развитием глобализационных процессов. Но потенциальный рост образованности в итоге привел к своего рода неконтролируемому увеличению псевдообразованности общества и, соответственно, обесцениванию образования как такового.

Одновременно с этим мировоззренческая парадигма изменилась до неузнаваемости и продолжает меняться с катастрофической скоростью, в связи с чем образование не справляется с первоначально заложенной в него функцией передачи культурного опыта, который, в свою очередь, безусловно транслируется, но его актуальность – вопрос риторический.

Таким образом, в культуре постмодерна образование в классическом понимании воспринимается как нечто необходимое для мнимой статусности, которая зачастую вовсе не предполагает какое-либо последующего применения полученных знаний, умений и навыков, а тем более их ретрансляцию и участие в глобализационных процессах.

Образование и информация

Реальность в классическом понимании обладает бинарной природой – предметность мира одновременно обладает и материальными, и нематериальными свойствами. Соответственно, постмодернистской парадигме бесполярности бинаризм не свойственен.

В свою очередь, информационное поле современности как свойство современной реальности характеризуется постоянной нестабильностью, и, несмотря на то что онтологически информация, как и реальность, двойственна (информация – дезинформация), в эпоху постмодерна она утрачивает свою изначальную полярность. В связи с глобальной информатизированностью грань между информацией и дезинформацией истончается, что приводит к стиранию той самой бинарности и образованию т. н. *переходной информационной стадии*, которая вполне может указывать, что информация в культуре постмодерна как минимум троична, что, безусловно, соответствует не только постмодернистской парадигме разновекторности, но и принципу ацентризма в целом.

Важно отметить, что постмодернистская разновекторность никак не противоре-

чит и переходу за пределы информационной троичности, т. к. рост объема информации в современном мире характеризуется исключительной экспоненциальной направленностью.

В то же время общество постмодерна, как и общественные системы и подсистемы, характеризуется ментальной деструктуризацией различной степени. Соответственно, такие основополагающие формы сознания социума, как религиозная, философская, научная и др., в современном мире утрачивают свою безусловность и категоричность (принцип ацентризма).

Так, по причине глобальной информационной нестабильности в контексте постмодернистской разновекторности, когда истинность информационного поля – понятие непостоянное, развивающееся мышление нуждается в регулярном информационном пополнении, в т. н. реконструкции информации, поднимая ее на наивысшую степень актуальности.

Однако если исходить из того, что образование – это социальный инструмент, то становится обоснованным утверждение, что в современном состоянии культуры образование в классическом понимании не только не отвечает своей критериальной сущности, но и не представляет для субъекта гарантий в виде протекции для социальной адаптивности: имеется обусловленная вероятностью несоответствия полученных знаний, умений и навыков социальной реальности, для которой и свойственна информационная нестабильность, в то время как образовательная информационная база не способна на подобную информационную реактивность.

Заключение

Представленное феноменологическое триединство, свойственное парадоксальности культуры постмодерна, в очередной раз подтверждает не только существование глобального кризисного состояния, но и на примере образования демонстрирует принцип локальной множественности данного кризиса.

Безусловно, произошедший внутрисоциальный парадигмальный слом не следует рассматривать категорично регрессивно относительно культуры в целом. Такой регресс – определенная стадия ментального

прогресса, которая лишь демонстрирует, что, вероятно, обществу есть что пересмотреть и переосмыслить в стремительно меняющемся мире.

Таким образом, на примере феномена образования при помощи метода феноме-

нологического анализа представляется возможным выявление точечной зависимости кризисного состояния современной культуры от совокупности локальных кризисных состояний внутри нее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабермас, Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // *Вопр. философии*. – 1992. – № 4. – С. 40–52.
2. Андерсон, П. Истоки постмодерна / П. Андерсон ; пер. с англ. А. Апполонова. – М. : Территория будущего, 2011. – 200 с.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2015. – 159 с.
4. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Письма 1982–1985 / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. А. В. Гараджи. – М. : Изд-во РГГУ, 2008. – 145 с.
5. Кабанова, Л. И. Модерн и модернизм: пути и траектории становления в европейской и русской культуре / Л. И. Кабанова // *Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики*. – 2011. – № 6 (12), ч. 3. – С. 86–89.
6. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас ; пер. с нем. М. М. Беляева. – М. : Весь мир, 2003. – 416 с.
7. Фуко, М. Дискурс и истина / М. Фуко ; пер. с англ. А. М. Корбута. – Минск : Пропилеи, 2006. – 152 с.

REFERENCES

1. Habermas, Yu. Modern – niezaviershenyj projekt / Yu. Habermas // *Vopr. filosofii*. – 1992. – № 4. – S. 40–52.
2. Anderson, P. Istoki postmoderna / P. Anderson ; pier. s angl. A. Appolonova. – M. : Tierritorija budushchiego, 2011. – 200 s.
3. Liotar, Zh.-F. Sostojaniye postmoderna / Zh.-F. Liotar ; pier. s fr. N. A. Shmatko. – SPb. : Alieteja, 2015. – 159 s.
4. Liotar, Zh.-F. Postmodern v izlozhenii dlia dietiej. Pis'ma 1982–1985 / Zh.-F. Liotar ; pier. s fr. A. V. Garadzhi. – M. : Izd-vo RGGU, 2008. – 145 s.
5. Kabanova, L. I. Modern i modernizm: puti i trajektorii stanovlienija v jevropiejskoj i ruskoj kul'turie / L. I. Kabanova // *Ist., filos., polit. i jurid. nauki, kul'turologija i iskusstvoviedienije. Vopr. tieorii i praktiki*. – 2011. – № 6 (12), ch. 3. – S. 86–89.
6. Khabermas, Yu. Filosofskij diskurs o modernie / Yu. Habermas ; pier. s niem. M. M. Bieliajeva. – M. : Vies' mir, 2003. – 416 s.
7. Fuko, M. Diskurs i istina / M. Fuko ; pier. s angl. A. M. Korbuta. – Minsk : Propiliei, 2006. – 152 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.10.2021